

Книга известной американской славистики Ольги Йокоямы «Письма русских крестьян: Тексты и контексты» представляет собой публикацию и анализ эпистолярного архива крестьянской семьи Жернаковых. Оригиналы рассматриваемых в работе документов хранятся в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО). Адресатом большинства посланий является один из старших сыновей семейства Василий Лаврович Жернаков – личность чрезвычайно яркая и незаурядная. Будучи выходцем из бедной крестьянской семьи, Василий Лаврович сумел организовать собственное дело, стать известным предпринимателем, почетным гражданином г. Тюмени. В годы революции он сначала перебирается из Тюмени в Омск, где в 1918–1919 гг. находилось правительство генерала Колчака, а затем после прихода красных эмигрирует в Харбин. Покидая Россию в 1920 году, В.Л. Жернаков передал письма в Омский архив, а затем уже оттуда они были переданы в 1945 г. в ГАТО.

Исследовательская стратегия автора, ориентированная на глубокий и всесторонний («качественный») анализ довольно частного социального объекта (семейная переписка на протяжении 16 лет – с 1881 по 1896 г.), относится к чрезвычайно популярному в современных гуманитарных науках направлению – так называемому кейс-стади (case study). Однако, как отмечает О. Йокояма, к «наивным» письмам, представляющим собой уникальный материал для изучения вопроса о соотношении устной и письменной форм быденной речи, российские лингвисты обращались крайне редко.

Интерес к повседневному миру обычного человека, стремление на примере отдельных житейских случаев раскрыть содержание глубинных социальных процессов можно обнаружить в работах антропологов, историков, культурологов. При этом, занимаясь анализом структур повседневности с позиций разных наук, исследователи так или иначе вынужде-

ны обращаться к проблеме «повседневность и язык». Ср., например, замечание И.Т. Касавина: «Язык – ключевой объект при анализе повседневности во всей ее полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь. Всякий исследователь быденной реальности и сознания вынужден быть отчасти лингвистом» [Касавин, Щавелев 2004: 410].

До недавнего времени тексты повседневности, представленные в виде частных писем, записок, дневников, являлись объектом научного интереса прежде всего культурологов. В предисловии к монографии О. Йокояма упоминает одну из таких работ – книгу [Козлова, Сандомирская 1996], представляющую собой публикацию неотредактированных воспоминаний малограмотной русской женщины Е.Г. Киселевой и комментарии к ним. Можно также вспомнить работу [Козлова 2005], в которой содержится анализ частных писем «простых советских людей». Особое внимание автор книги уделяет исследованию языковой ткани эпистолярных материалов. Обосновывая свою позицию, Н.Н. Козлова пишет: «Обладать языком – обладать миром. В рамках герменевтического опыта языковая форма не может быть отделена от содержания, дошедшего до нас в этой форме. Если всякий язык есть мировидение, то он обязан этим тому, что говорится и, соответственно, передается на этом языке» [Козлова 2005: 40].

В условиях растущего научного интереса к быденному миру человека и его повседневным речевым практикам появление лингвистического исследования, выполненного на добротном оригинальном материале, весьма своевременно и актуально.

Основу рецензируемого издания, представляющего собой объемный двухтомник, составляют тексты писем членов одной крестьянской семьи, написанные в период с 1881 по 1896 г. Всего опубликовано 91 послание (включая и четыре телеграммы). Общий объем представ-

ленных материалов составляет 197 рукописных листов, исписанных по большей части с двух сторон. Особую ценность данной коллекции придает то, что это так называемые аутентичные письма, т. е. письма, написанные полуграмотными носителями диалекта и не подвергавшиеся редактированию. Основными авторами писем являются пять человек: отец, мать, двое младших сыновей и сестра, живущие в селе Паздеры (Вятская губерния). Их послания адресованы двум старшим сыновьям, уехавшим на заработки в Сибирь.

Содержание публикуемых посланий представляет несомненный исторический и культурологический интерес. В них обсуждаются повседневные жизненные проблемы членов семьи, описываются разнообразные события: рождение и смерть близких, сватовство, свадьбы, крестины, переезд в новый дом и т. п. Из писем мы узнаем, как постепенно растет благосостояние семьи и меняется ее социальный статус: в начале переписки многодетная семья едва сводит концы с концами, затем по мере взросления детей и включения их в хозяйственную деятельность материальное положение улучшается, а к концу периода семье уже принадлежит пароходная компания. Обо всех этих изменениях члены семьи непосредственно и непринужденно рассказывают друг другу, общаясь «в кругу своих», используя типичные и естественные для данной среды речевые практики. Это обстоятельство, как представляется, делает данные материалы особенно ценными и уникальными. Ведь диалектологам хорошо известно, как трудно получить материалы, отражающие естественное непринужденное речевое общение носителей диалекта между собой, т. е. внутри данного языкового микроколлектива. Большинство диалектных записей – это либо рассказы, либо беседы носителей диалекта с диалектологом, т. е. с «чужим» для информанта лицом, обладающим другим социокультурным опытом.

Аутентичные письма, представленные в корпусе, отражают черты живой устной народной речи конца XIX века (включая и особенности произношения) – периода, недостаточно хорошо изученного в русистике¹. Обращение

¹ Говоря о задачах истории русского литературного языка, В.В. Виноградов отмечал, что ценным материалом для изучения живой устной речи могут явиться «наивные» письма. Ср.: «Представляют большой интерес наблюдения над областными колебаниями произношения в простом слоге XVIII в. И над пределами этих колебаний. Для исследования этих вопросов очень важно привлечь так называемые малограмотные написания в семейной и

к опубликованным текстам наглядно демонстрирует, сколь сложной и неоднозначной была картина функционирования и взаимодействия литературного языка с народными говорами и социально-групповыми городскими диалектами. Формы и характер этого взаимодействия по-разному отражаются в речи отдельных представителей семьи. Особенно интересны письма младших ее членов – двух братьев и сестры. В их посланиях можно наблюдать процесс постепенного освоения литературных норм и приобретения навыков письменной речи.

В целом можно сказать, что данная коллекция крестьянских писем – это совершенно уникальный источник, содержащий ценную информацию исторического, культурологического и собственно лингвистического характера.

В книге оригинальные тексты писем представлены в двух вариантах. Первый вариант (помещенный в томе I) – это так называемые транскрибированные тексты (transcribed letter texts), в которых максимально точно отражены все особенности оригинала: орфография, графика, способ размещения отдельных фрагментов текста на странице, наличие зачеркиваний и исправлений, характер написания букв и т. п.² Каждое письмо предваряется небольшим вступительным комментарием, в котором даются описание его внешнего вида и общая характеристика наиболее важных языковых черт. Тексты снабжены также разного рода примечаниями относительно фонетических (фонологических), морфонологических, морфологических, графических особенностей,

деловой переписке XVII и XVIII вв., используя рукописи и такие издания, как «Архив села Михайловского» и т. п.» [Виноградов 1978: 169]. Как показывает рецензируемая монография, использование материалов подобного рода не менее плодотворно и при рассмотрении вопросов о нормативном / ненормативном статусе некоторых языковых явлений в повседневной речи второй половины XIX в.

² Заметим, что употребление термина «транскрибированный» отличается от принятого в отечественной лингвистике. В транскрибированных текстах не фиксируются черты произношения авторов писем. Для передачи особенностей написания используется специально разработанная система обозначений. Ср., например, фрагмент такого транскрибированного текста (символ + обозначает неясные границы слова, символ ~ обозначает росчерки и завитки, встречающиеся обычно в конце слова):

Сондуки Настасьи Никитишн-
вто+же время На+шлись Были
наконторке завалены Брезен
тами (с. 121, ч. I).

содержащихся в письмах. Необходимо отметить подробность и тщательность авторского комментария, в котором нередко представлен анализ причин того или иного отклонения в написании. Приведем лишь один пример из письма младшего брата (12-летнего школьника), написавшего диалектное слово *изотчество* (отчество) как *и зотчество* (Извините меня что я не знаю имя и зотчество хозяев): «Предыдущие два слова составляют одну лексическую единицу и должны быть написаны как *изотчество*. Однако школьник при написании слова, очевидно, испытывал трудности с определением его состава и воспринял инициальный гласный как союз» (с. 38, ч. I). Некоторые комментарии могут содержать информацию прагматического и культурологического характера. Прочитаем следующее замечание автора по поводу манеры расставлять знаки препинания одного из авторов письма (младшей сестры адресата Татьяны): «Предыдущая запятая написана более темными, чем остальной текст, чернилами, это указывает на то, что она была добавлена позже. Такие же более темные точки и запятые мы находим на этой же странице в строках 6, 10, 11, 12, 14 и 15. Подобный метод написания текста без пунктуационных знаков с расстановкой их в самом конце, возможно, получил осмысление в слышанной мною в 50-е гг. школьной шутке о том, что писать сочинение следует без знаков препинания, а затем скомандовать всем точкам и запятым: «Марш по местам!»» (с. 126, ч. I).

Второй вариант публикации писем представлен во втором томе в виде «нормализованных текстов» (normalized letter texts), т. е. приведенных в соответствие с основными требованиями современной орфографии и пунктуации. Это значит, что большая часть отклонений от орфографических норм, характеризующих автора письма как носителя диалекта или просторечия, а также различные индивидуальные варианты написаний в данном разделе не представлены. Основное внимание в комментариях, которыми также снабжены тексты, уделяется синтаксическим, лексическим, дискурсивно-прагматическим, социолингвистическим особенностям. Более подробно анализируется содержательная часть посланий.

Первый том монографии открывается вводными разделами, содержащими необходимую для читателя информацию о членах семьи и хронологии описываемых в письмах событий: Введение (с. 1–8, ч. I), Руководство для чтения текста (с. 9–14, ч. I), Хронологический порядок писем и событий (с. 15–25, ч. I). Далее представлен корпус транскрибированных текстов, максимально приближенных к оригиналу, снабженных подробными лингвистическими

комментариями (с. 27–367, ч. I). В этом же томе помещен очерк основных лингвистических черт, встречающихся в публикуемых материалах (с. 369–439, ч. I). В конце книги приводятся факсимиле отдельных писем (с. 441–486, ч. I), что дает возможность читателю увидеть оригинальные тексты и оценить адекватность передачи их основных графических особенностей в транскрипции.

Второй том, в отличие от лингвистически ориентированного первого, имеет более ярко выраженную коммуникативно-прагматическую и культурологическую направленность. Помимо помещенных в нем нормализованных вариантов писем (с. 1–209, ч. II) и их переводов на английский язык (с. 211–387, ч. II), том содержит главы, посвященные описанию истории семьи и ближайшего родственного окружения (с. 389–405, ч. II) и истории двух сел, о которых часто упоминается в письмах, – Паздеры и Шаркан (с. 407–410, ч. II). Приложение содержит родословное древо семьи, а также три указателя: 1) слов и форм, встречающихся в письмах, 2) личных имен и 3) топонимов. Основная цель приложений и исторических глав – снабдить читателя объемом «фоновых знаний», необходимых для понимания содержания писем.

Несколько слов нужно сказать о методе, применяемом в данном исследовании. О. Йокояма назвала его прагмафилологическим. Суть этого метода определяется автором следующим образом: «Он сочетает детальный текстологический анализ неотредактированных текстов с реконструкцией личности авторов и предполагаемых ими читателей-адресатов на основании языковой структуры порождаемых ими текстов, а также путем изучения экстралингвистических факторов, которые подтверждают и проясняют тексты, помещая их в исторический контекст. Акцент на аутентичных текстах является в своей основе филологическим, а внимание к “говорящему, слушающему, времени и месту” коммуникации – прагматическим» (с. 6, ч. I). Такой подход позволяет автору рассматривать разнородный языковой материал на широком социокультурном фоне, что, несомненно, отличает данную работу от многих других диалектологических исследований. Ведь, как справедливо отмечал В.Е. Гольдин, «изучение строения и функционирования диалектной речи сквозь призму коммуникативных и одновременно когнитивных ее характеристик все еще остается задачей будущего» [Гольдин 1995: 72].

Письма, представленные в корпусе, интересны тем, что их авторы с большим вниманием относятся к создаваемым ими текстам и к самому процессу написания послания. Ис-

следование лингвистических особенностей материалов корпуса дает богатую пищу для размышлений. Несмотря на знакомство многих авторов писем с правилами орфографии и пунктуации, в текстах обнаруживается значительное число отклонений от нормы. Анализ подобных отклонений позволяет выявить определенные закономерности. Эти закономерности исследуются в главе «Лингвистические особенности текстов». Следуя сформулированному для себя правилу – «относиться к странным написаниям с вниманием и уважением, а объяснение их как “банальных ошибок” может использоваться лишь в качестве последнего прибежища исследователя» (с. 372, ч. I), – автор скрупулезно стремится реконструировать основные черты речевого облика авторов писем. Предпринятое описание охватывает разные стороны их языковой и коммуникативной компетенции: орфографические и пунктуационные навыки, особенности в области фонетики, лексики, словообразования, грамматики, порядка слов и интонации. Наиболее полно представлено описание фонетических черт, характеризующих информантов как носителей южновятского говора северного наречия. При этом степень отхода от диалектной системы у разных информантов различна и определяется разнообразными социально-прагматическими факторами. Особенно очевиден сдвиг в сторону нормативного произношения в речи младшей сестры Татьяны, окончившей четыре класса прогимназии и учительские курсы. Материалы ее писем наглядно демонстрируют процесс овладения литературной нормой. При анализе морфологических особенностей также обнаруживаются отклонения от литературных форм словоизменения, позволяющие характеризовать информантов как носителей южновятского говора. Хотелось бы, однако, отметить, что некоторые заключения исследовательницы, стремящейся подвергнуть обязательной диалектологической паспортизации каждый обнаруженный факт, не всегда кажутся убедительными. Так, автору удается выявить всего два случая ненормативного употребления постфиксов в инфинитивах – *ести* (Хорошо начинаем ести, с. 225, ч. I) и *принесть* (...а пользы мне никакой не принесть, с. 301, ч. I). На основании этих двух случаев автор делает вывод, что в данной диалектной системе в формах инфинитива представлено два конечных форманта: *-и*, встречающийся в северо-восточных диалектах и вятских говорах, а также *ø*, типичный для московского народного говора и южнорусских диалектов. Однако, по-видимому, форму *принесть* в речи информантки нельзя рассматривать как нелитературную. Она была достаточно распространена в

литературном языке второй половины XIX в. и встречается, например, у Н.А. Некрасова: *Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» / И Богу поспешил молебствие принесть / За то, что у меня наследственное есть...* Ср. также строчки поэта XX в. Н.А. Заболоцкого: *Но возможно ль мечты человечьи / В жертву этим забавам принесть?*

Значительное число синтаксических конструкций, представленных в эпистолярных текстах, отражают живую разговорную стихию этого жанра. Интересно, что некоторые из встречающихся в письмах моделей характерны и для современного непринужденного общения. Это, например, повтор предлогов (*за все за доброе твое пожелание*), конструкции с двойными глаголами (*попробую узнаю, стою прошу, ходить читать*), непроективный порядок слов и некоторые другие. Завершает раздел описание текстовых особенностей писем в дискурсивно-прагматическом аспекте. Исследуется порядок слов в предложениях и его связь с разными вариантами интонационного оформления высказываний, рассматривается влияние разного рода прагматических факторов на линейную структуру предложений.

Богатый эмпирический материал позволяет в достаточно полном объеме представить основные черты устной речи малограмотных крестьян, носителей диалекта, особенности их речевого поведения в зависимости от различных прагматических условий (ср., например, подробно описываемые в работе разные варианты обращений и другие виды референции лица). Письма охватывают значительный временной интервал (16 лет), что дает возможность взглянуть на некоторые языковые факты в «диахроническом» плане, т. е. проследить изменение соотношения диалектных, просторечных и литературных черт в речи информантов под влиянием разнообразных социальных факторов (возрастные, гендерные характеристики, уровень образования, социальный, профессиональный статус и др.).

Чрезвычайно важным является вопрос о соотношении нормативных и ненормативных черт в повседневном речевом узусе информантов. Этой проблеме в монографии уделяется большое внимание. Автор справедливо отмечает, что оценка тех или иных языковых явлений с позиции их нормативности / ненормативности достаточно сложна, поскольку литературный язык второй половины XIX века (особенно в его разговорно-бытовой разновидности) допускал гораздо большее число вариантов. Нередко для решения вопроса о том, насколько возможно было употребление той или иной формы с точки зрения носителей литературного языка, живших в конце XIX века, требует-

ся привлечение более широкого культурного контекста. На наш взгляд, многие словоупотребления, квалифицируемые в монографии как нелитературные, в повседневной непринужденной речи могли оказаться вполне допустимыми. Это, например, формы *сапогов* (Он был без сапогов, в дырявом сертуке – Н.А. Некрасов)³, *дожидать* (Костя, друг, она у дверей дожидает – А.А. Блок), *ярманка*⁴, *Стретенье, делов* (Загуляли-с. И таких делов наделали, что страшно сказать! – А.Н. Островский), *рояль в ж. р.* (И на покорную рояль / властительно положились руки – А.А. Блок), *окопировка* (ср. название водевиля И.И. Лажечникова «Окопировался!»)⁵.

В текстах посланий младших членов семьи получают отражение живые процессы приобщения авторов писем к новым бытовым реалиям городской жизни и новым формам экономической деятельности через освоение иноязычных заимствований (см. интересные наблюдения исследовательницы в главе 2). Характер написания заимствованных слов позволяет составить представление об их реальном произношении, а также об источниках и каналах заимствования. Так, в речь братьев Ивана и Гавриила иноязычные слова попадают преимущественно устным путем от носителей акающего говора; об этом свидетельствуют написания типа *машенист*, *кантора*, *посажир*. Еще можно отметить интересный случай ненормативного (с точки зрения современного словоупотребления) управления: *фотографическая карточка (с кого?)*. Подобное словосочетание, вероятно, явилось результатом контаминации двух возможных обозначений одного и того же объекта, употреблявшихся в речи в этот период, – *фотографический снимок (с кого)*⁶ и *фо-*

тографическая карточка (чья?). Однако здесь можно задаться вопросом: не допускалось ли в живой непринужденной устной речи и это неоднократно встречающееся в текстах словосочетание с «ненормативным» управлением?

Материалы свидетельствуют о сознательном и творческом отношении авторов писем к слову. В текстах можно встретить много случаев игрового, ироничного словоупотребления, стилистически маркированных форм. Ср.: *кабы я не сремизилась, они при людях-то алюсничают*⁷ *изрядно, номер три рубля в сутки – это слишком щекожливо* и мн. др. Подобные примеры позволяют опровергнуть широко распространенное среди лингвистов мнение о неспособности к языковой игре носителей просторечия и диалектов. Ср.: «В стилистическом отношении авторы писем, несомненно, следовали неким образцам: они использовали лексические, фразеологические, паремиологические и даже ритмопоэтические стилистические приемы. Они явно обнаруживают способность различать стилистические варианты, несмотря на общепринятое мнение об отсутствии стилистической дифференциации в диалектах» (с. 4, ч. I).

знаю (пожалуй, вернее первое, так как многочисленные *фотографические снимки с меня*, воспроизводившиеся во всевозможнейших газетах и журналах, оставлены почтенною коллекционершею без всякого внимания)». (Н. Евреинов. Оригинал о портретистах (К проблеме субъективизма в искусстве). М., 1922.)

⁷ Глагол *алюсничать* отмечен в сибирских говорах и употребляется в значении 'льстить, угодничать, увиваться, из корыстных видов' (Даль). Интересно, что это слово встречается в письме, написанном младшей сестрой Татьяной, речь которой наиболее приближена к литературной норме. Употребление диалектного слова в тексте письма явно стилистически нагружено. Татьяна жалуется старшему брату на свое нелегкое житье в родительском доме. Ее рассказ об отношении к ней братьев наполнен горечью и иронией. Ср. показательный фрагмент (представлен нормализованный вариант текста; используются следующие символы: | – конец строки, // – конец каждой страницы листа):

И за все | благодарность-то какую | от братьев? Носового платка | не заслужила! Только | говоришь, что хорошо, да | мне все завидуют: «Одна | сестра у 6 братьев, счастли|вица!» Пожили бы на моем-//то месте, так узнали бы, какая я «счастливица»-то. И я тоже | говорю ведь: «Как меня братья-|то любят, что захочу, то | и делают!» И они при людях-|то алюсничают изрядно (с. 139, ч. II).

³ О частотности данной формы в литературном языке XIX в. писали многие исследователи. См., например, замечание Н.А. Еськовой: «Вариант *сапогов* у Гоголя, Достоевского, Тургенева, Салтыкова-Щедрина употреблен много раз» [Еськова 2008: 658].

⁴ Разнообразные примеры написания слова *ярмарка* как *ярманка* или *ярмонка* см. в [Еськова 2008: 773].

⁵ Ср. также: «Каждый год пребывания в интернате, а затем в университете стоил бы Ольге Михайловне восьмисот рублей (не считая, как тогда говорили, «окопировки» – экипировки, обмундирования), в целом же – нескольких тысяч» (К. Тюнькин. Салтыков-Щедрин. Серия ЖЗЛ. М., 1989. С. 38).

⁶ Ср.: «Лестно ей, что ли, что такому количеству художников захотелось воспроизвести черты ее сына или что так часто журналы «украшают» себя портретами ее детища – не

Можно было бы продолжать и продолжать этот перечень интересных примеров, наблюдений и возражений, неизбежно возникающих при обращении к столь яркому и необычному материалу. Заклучая, необходимо подчеркнуть, что ценность этого издания не только в уникальности публикуемого корпуса «наивных» писем, но также в разработанном автором методе анализа аутентичных текстов. Этот метод позволяет не только адекватно и в полном объеме анализировать языковую материю, но также реконструировать сам процесс создания письма. Дает возможность читателю погрузиться в исторический контекст, оказавшись «внутри» давно прошедшего события.

Думается, рецензируемая монография будет интересна не только лингвистам, но и представителям других гуманитарных наук, исследующих повседневность. Ведь изучение данного феномена без привлечения разнообразного эмпирического материала и без анализа его языковой ткани рискует остаться в области общих рассуждений. Ср. показательное признание Н.Н. Козловой: «Интересуясь советскими повседневными практиками, я ощущала ограниченность только методологических занятий проблемами повседневности. Мне явно не хватало “мяса” истории» [Козлова 2005: 11]. Именно это обстоятельство обуславливает интерес гуманитариев-нелингвистов к источникам нового типа – «человеческим документам», которые хранят следы обыденных речевых практик людей.

В заключение хотелось бы добавить, что рецензируемая книга вышла в Германии, тираж ее невелик, и, следовательно, можно с большой долей уверенности предполагать, что она

будет труднодоступна для русского читателя. Тем не менее, основная целевая аудитория новой монографии Ольги Йокоямы – именно в России. Поэтому перевод на русский язык книги «Письма русских крестьян: Тексты и контексты» и переиздание ее в нашей стране были бы крайне желательны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов 1978 – В.В. Виноградов. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // В.В. Виноградов. История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978.
- Гольдин 1995 – В.Е. Гольдин. Машиннообрабатываемые корпуса диалектных текстов и проблема типологии русской речи // Русистика сегодня. 1995. № 3.
- Еськова 2008 – Н.А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008.
- Касавин, Щавелев 2004 – И.Т. Касавин, С.П. Щавелев. Анализ повседневности. М., 2004.
- Козлова 2005 – Н.Н. Козлова. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
- Козлова, Сандомирская 1996 – Н.Н. Козлова, И.И. Сандомирская. «Я так хочу назвать кино»: «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.